

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ФИЛОЛОГИИ XXI ВЕКА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**Материалы Всероссийской молодежной конференции
23–25 августа 2012 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

⁴ *Волошина С.В.* Автобиографические практики в интернет-дискурсе (на материале автобиографий учителей томских школ) // Текст в системе обучения русскому языку и литературе: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева и 50-летию филологического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (24–26 мая 2012 г.). – С. 214–221.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДИАЛЕКТЕ

Е.С. Воронова, ТГУ, аспирант
Научный руководитель – Т.А. Демешкина

Вводно-модальные слова рассматриваются отечественными и зарубежными исследователями в рамках разных лингвистических подходов – лексико-семантического, семантико-синтаксического, контекстно-семантического и др. Они изучаются в различных теоретических парадигмах (логический анализ языка, лингвистика текста, анализ диалога, дискурс-анализ и др.). Неоднократно отмечалось, что модальные единицы обладают рядом особых свойств: обеспечивают связь между достаточно удаленными друг от друга фрагментами текста; между текстом и знаниями говорящего; в общем случае не имеют отрицания; одновременно принадлежат к нескольким частям речи; могут являться служебной формой полнозначных лексем и пр.

Материалом исследования является «Вершининский словарь» под редакцией О.И. Блиновой¹. Это диалектный словарь полного типа, включающий всю зафиксированную в 40–90-е гг. XX в. лексику и фразеологию одного из типичных русских старожильческих говоров Сибири – говора с. Вершинино Томского района Томской области.

В рамках данного исследования рассматриваются вводно-модальные слова и конструкции, зафиксированные в говоре с. Вершинино Томской области и выражающие оценку сообщаемого по достоверности/недостоверности, а также характеризующие сообщение «по источнику, по отнесенности к автору речи».

В задачи исследования входит:

1. Сформировать корпус высказываний, в которых эксплицитно выражена оценка достоверности информации, а также имеется прямое указание на источник сообщения, отнесённость к автору речи.

2. Описать средства, используемые для характеристики сообщения по данным параметрам.

3. Описать зависимость выбора лексических средств от способа получения информации.

Объём рабочей выборки составил порядка 3000 контекстов. В первую очередь были рассмотрены высказывания, содержащие указание на источник/автора информации. В Русской грамматике перечислены некоторые слова и словосочетания, характеризующие сообщение по источнику/автору высказывания: *по слухам, как слышно, по мнению кого-н., с точки зрения кого-н., как полагаю (думаю, считаю, знаю), как говорят, как считают, как пишут, как указывалось; по-моему, по-твоему; как оказалось, как известно; как говорили в старину, по словам кого-н., по сообщению кого-н., по выражению кого-н., говорит, говорят*². Большинство из них характерны для письменной речи.

Получены следующие результаты:

1. Составлен список наиболее употребительных средств, характеризующих сообщения по источнику/автору речи. В их число, в частности, входят: *гыт, говорили, говорю, говорят, говаривал, называют, сказали, я вот так считаю*.

2. Высказывания, содержащие прямое указание на источник информации/автора сообщения разделены на 3 группы. В первую входят контексты, в которых в качестве

источника информации/автора сообщения выступают третьи лица: *Говорили раньшены люди: «Народ будет бесстыжий»*; ко второй группе относятся высказывания, в которых говорящий передаёт свои сказанные ранее реплики или же моделирует реплики собеседника, совмещая ситуацию речи и ситуацию общения³: *Она гыт: «В избу проведи [воду]»; А я говорю: «Ты знаешь чё, Аня, редко [садишь картофель]». Она: «Вот беда-то! Опеть, гыт, брак»*; третью же группу составляет косвенная речь: *«А я, гыт, ись хочу»*.

3. Как правило, в высказывании отсутствует прямое указание на источник/автора сообщаемого. Это касается первой группы контекстов. В них глагольные формы 3-го л. мн. ч. выступают в неопределенно-личном употреблении, соотносящем действие с субъектом – неопределенным количеством лиц или с одним лицом, представленным как неопределенное: *А кто хулиганит, про него у нас говорят, что он бродяга*.

Высказывания, содержащие ссылку на чужой опыт, включают в себя также и имплицитное указание на способ получения информации – на слух. Однако в связи с тем, что эксплицитно это никак не обозначено, данный тип высказываний выделяется в отдельную группу.

Значение вводно-модальных *конечно, естественно, разумеется, действительно, в самом деле* в работе В.В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» определено как «соответствие ожиданию говорящего», тогда как Русская грамматика включает их в число средств выражения «оценки сообщаемого с точки зрения достоверности»². Е.С. Яковлева относит слова-показатели достоверности к «классу «слов-верификаторов», которые действуют по линии установления соответствия сказанного действительному положению дел»⁴. В рамках данного исследования принимается терминология Русской грамматики.

В Вершининском говоре не отмечены модальные слова с семантикой категоричной достоверности типа *бесспорно, безусловно, явно, определено*. Для выражения этого смысла в диалекте имеется собственный арсенал языковых средств». Круг слов, выражающих разную степень достоверности информации, в говоре расширяется за счет функционирования большего числа единиц разной системной принадлежности: общерусских (*наверно, конечно*), просторечных (*кажись*), собственно диалектных, преимущественно частиц и устойчивых сочетаний (*как вот, ли как, либо, ли как ли, ли нет ли*), диалектных и просторечных вариантов общерусских слов (*однако, можжа, може, можеть*)⁴. Сомнению в достоверности подвергается либо вся информация высказывания, либо какой-то ее аспект: *Раньше не уходили, кажись, от мужа; Я вчера была в магазине, она пришла по хлеб ли чё*. Другая особенность модальных слов состоит в «размытости» их семантики, что приводит не только к синонимичному, но и к омонимичному употреблению модальных слов в диалектных текстах⁷. Примером такого употребления может служить *однако*, функционирующее в среднеобских говорах в двух значениях: 1. Кажется, наверное, может быть. *Внучек, однако, руку переломил*; 2. Употребляется для выражения уверенности в том, что говорится. *Однако, не будет (грозы), все прояснило тут-ка*. Вместе с тем существуют параметры, позволяющие распределить показатели достоверности по разным классам, практически не имеющих зон пересечения.

Одним из таких параметров и является степень полноты знания, которая зависит от положения говорящего относительно описываемой им ситуации. В работе Е.С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)» предлагается классификация ситуаций восприятия⁴. В задачи исследования не входит её подробное рассмотрение.

По результатам анализа рабочей выборки было установлено, что одним из наиболее частотных слов, характеризующих степень достоверности сообщаемого, по-

мимо *наверное, конечно, может/можна*, является *кажется/мне кажется/кажись*. Во «Фрагментах русской языковой картины мира» *кажется* однозначно определено как использующееся при передаче «характерной» информации (ситуация чувственного восприятия, восстановление событий по памяти, ссылка на чужой опыт). Однако в работе Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелёва «Языковая концептуализация мира»⁷ представлена подробная классификация ситуаций употребления:

- 1) в ситуации неуверенного перцептивного впечатления: *Кажется, пахнет газом*;
- 2) в ситуации припоминания или при передаче неточно запомненного: На одной из станций, *кажется*, между Белгородом и Харьковом, вышел я из вагона прогуляться по платформе;
- 3) при передаче не полностью достоверной информации, полученной от других лиц: *Кажется, его нет в городе*;
- 4) в ситуации, когда нет достоверных данных, чтобы вынести окончательное суждение: *Кажется, мы поступили неправильно*.

Подтверждением связи *кажется* с модусом знания является его несовместимость с нереперентными местоимениями: **Кажется, кто-нибудь уже решил эту задачу* (надо – *кто-то*) при допустимом *Возможно* (или: *я думаю, что*), *кто-нибудь уже решил эту задачу*.

В примере *Кажется, мы поступили неправильно* слово *кажется* на первый взгляд выражает мнение. Однако, как показано в статье А.А. Зализняк «Считать и думать: два вида мнения»⁸, в модальном и оценочном контексте может происходить подмена, при которой мнение-оценка выдается за знание (соответственно, неverifiedируемая пропозиция – за verifiedируемую): предложение гласит, что говорящий находится в «состоянии знания» – хотя и неуверенного.

Подразумеваемый говорящий является при слове *кажется* субъектом неуверенного знания. Эксплицитный субъект 1 лица меняет семантику вводного⁶: *Кажется, фильм хороший* может быть произнесено в ситуации передачи информации, полученной от других лиц или когда фильм недосмотрен до конца; а *Мне кажется, фильм хороший* свидетельствует о неуверенности субъекта в собственной оценке⁹.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что классификация, предложенная Яковлевой Е.С. не является достаточно подробной и полной и возможно её расширение и углубление. Сделать это предполагается за счёт введения более подробного выделения ситуаций получения информации, основанного на общей семантике высказывания. Также возможно уточнение семантики вводно-модальных слов-показателей достоверности высказывания.

Примечания

¹ Вершининский словарь. – Т. 1–3. – Гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.

² Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – Т. 2: Синтаксис. – М.: Наука, 1980.

³ Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1997. – 52 с.

⁴ Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – С. 200–230.

⁵ Демешкина Т.А. Диалектное высказывание. Аспекты семантики. – Томск, Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 110–120.

⁶ Петрунина С.П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций). – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2008. – 262 с.

⁷ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997. – 574 с.

⁸ Зализняк А.А. *Считать и думать*: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 187–194.

⁹ Русская грамматика [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rusgram.ru>